

Глава первая

В голосе мистера Зловрединга, поверенного в делах, звучало раздражение:

— И о чём же они разговаривают? — спросил он, словно наперёд зная, что речь идёт о пустяках.

— О добывайках, — ответила миссис Мей.

Они стояли под живой изгородью, среди мокрых кочанов древовидной капусты, качавшейся на ветру. День был промозглый, начинало темнеть, и лампа в окне домика у подножия холма светила особенно приветливо.

— Здесь можно разбить фруктовый сад, — добавила небрежно миссис Мей, словно желая переменить тему.

— В нашем с вами возрасте, — заметил мистер Зловрединг, всё ещё не отрывая глаз от освещённого окна внизу, — разумнее сажать цветы, чем плодовые деревья.

— Вы так думаете? — сказала миссис Мей и пониже опустила капюшон длинного широкого пальто, спасаясь от порывов ветра. — Но, видите ли, я завещаю этот дом ей.

— Кому — ей?

— Кейт, моей племяннице.

— Понятно, — сказал мистер Зловрединг и снова бросил взгляд на освещённое окно, возле которого, как он знал, сидела Кейт.

Странный ребёнок: смотрит сквозь тебя широко раскрытыми глазами, будто не видит, и часами разговаривает со старым мошенником Томом Доброу, который некогда служил здесь лесником. Поневоле придёшь в смущение. Что может быть общего, спросил он себя, между туповатым стариком и этой жадно слушающей его девочкой? Вот уже (он взглянул на часы) час с четвертью, как они сидят, пригнувшись друг к другу, у окна и говорят, говорят...

— О добывайках?.. — повторил мистер Зловрединг, точно это слово встревожило его. — Каких добывайках?

— Ну, это такая история, — небрежно сказала миссис Мей, осторожно пробираясь между набухшими от дождя кочанами к вымощенной кирпичом дорожке, — которую мы с братом рассказывали друг другу, когда жили здесь в детстве.

— В Фэрбанкс-Холле?

— Да, у двоюродной тёти Софи. Кейт очень нравится эта история.

— Но почему ей вздумалось рассказывать её Тому Доброму? — спросил мистер Зловрединг.

— Тому? Почему бы и нет? Хотя, по правде говоря, я думаю, дело обстоит как раз наоборот — это Том рассказывает ей Кейт.

Следуя за миссис Мей по выщербленным кирпичам дорожки, мистер Зловрединг погрузился в молчание. Он знал эту семью почти всю свою жизнь, и чем дальше, тем чудаковатее все они ему казались.

— Но кто её выдумал? Вы?

— Куда мне! — Миссис Мей смущённо рассмеялась. — Скорее всего её придумал мой брат. Если это вообще выдумка...

Последние слова женщина произнесла еле слышно, и мистер Зловрединг за них ухватился.

— Я не вполне вас понимаю. Эта история, о которой вы говорите, она что — основана на реальных фактах?

Миссис Мей рассмеялась.

— О нет, факты эти никак не могут быть реальными. Никоим образом. — Она снова пустилась в путь, добавив через плечо: — Просто этот старик, Том Доброу, по-видимому, знал наших человечков.

— Каких человечков? Попрошаек?

— Не попрошаек — добываек.

— Понятно, — сказал мистер Зловрединг, хотя ничего ему понятно не было.

— Мы назвали их так. — Обернувшись, миссис Мей подождала, пока он с ней поравняется. — Вернее, они сами так себя называли, потому что у них не было ничего своего. Ничего. Даже имена они брали у людей: в семействе Курантов, например, были отец, мать и дочка, и звали их Под, Хомили и Ариэтта. По-моему, прелестные имена.

— О да, — довольно сухо отозвался мистер Зловрединг, а затем, вопреки своей воле, улыбнулся.

Ему вспомнилось, что она всегда любила, пусть и мягко, подтрунивать над людьми. Даже в юности, когда он находил её весьма привлекательной, это приводило его в замешательство.

— Вы совсем не изменились, — заметил мистер Зловрединг.

Миссис Мей сразу посерёзнела.

— Но не станете же вы отрицать, что Фэрбанкс-Холл был не только старый, но и странный.

— Старый — да, но не более странный, чем... — Он взглянул вниз. — ...чем, скажем, этот домик.

Миссис Мей рассмеялась.

— Тут Кейт согласилась бы с вами. Она считает этот домик таким же странным, каким мы считали Фэрбанкс-Холл, в точности таким же. Знаете,

в Фэрбанксе у нас с братом с самого начала было чувство, будто в доме, помимо людей, живут ещё какие-то человеческие существа.

— Но, — раздражённо воскликнул мистер Зловрединг, — какая разница между человеческими существами и людьми? Это одно и то же.

— Ладно, просто другие существа. Пусть гораздо меньше людей, но внешне похожие на них, разве что головы побольше да кисти рук и ступни подлиннее. Очень маленькие и незаметные. Мы воображали, что живут они, как мыши, за стенными панелями, или за плинтусом, или под половицами... и полностью зависят от того, что им удаётся стащить в доме. Хотя воровством это тоже не назовёшь — они брали только то, без чего люди вполне могли обойтись.

— Что именно? — спросил мистер Зловрединг и, внезапно почувствовав себя неловко, обогнал миссис Мей, чтобы убрать с её пути побег куманики.

— О, самые разные вещи. Любые продукты, естественно, и разные другие мелкие предметы, которые можно было сдвинуть с места и которые могли им пригодиться, — спичечные коробки, огрызки карандашей, иголки, лоскутки... всё, из чего можно мастерить одежду, орудие труда или мебель. Нам было их жалко, потому что они ценили красоту и стремились сделать свои тёмные норки такими же уютными и удобными, как жилища людей. Брат старался помочь им. — Миссис Мей внезапно смущилась, тихонько рассмеялась и, запинаясь, точно сама не принимала всего этого всерьёз, закончила: — Во всяком случае, так он мне говорил.

— Понятно, — снова сказал мистер Зловрединг.

Они принялись обходить дом, стараясь не попасть под капли, падающие с крыши.

— А при чём тут Том Доброу? — заговорил он снова, когда миссис Мей задержалась у бочки для дождевой воды.

Она обернулась и посмотрела ему в лицо.

— Ну не удивительно ли это? В моём возрасте — чуть не в семьдесят лет — получить в наследство этот домик и застать здесь хозяином Тома.

— Он тут вовсе не хозяин... всего лишь временный жилец.

— Я хочу сказать, — пояснила миссис Мей, — вообще застать его здесь. В старые времена, когда они были мальчиками, Том и брат часто вместе ставили капканы на кроликов... Они много чего придумывали вместе, но всему этому пришёл конец... после скандала.

— О, — воскликнул мистер Зловрединг, — значит, был скандал?

Они стояли перед изъеденной непогодой входной дверью, и, заинтересовавшись, помимо своего желания поверенный снял руку со щеколды.

— Ещё какой! — воскликнула миссис Мей. — Я думала, вы слышали об этом. Даже полисмен был в него втянут... вы помните Эрни Ранэйкра? Вся деревня только об этом и говорила. Кухарка и садовник каким-то образом пронюхали о добывайках и решили выкурить их из дома, для чего пригласили местного крысолова и послали сюда за Томом

и его хорьком. Он был тогда ещё мальчик, внук лесника, лишь немножко старше нас с братом.

Миссис Мей внезапно повернулась к поверенному:

— Да не могли вы не слышать обо всём этом!

Мистер Зловрединг нахмурился. В памяти стали всплывать какие-то смутные слухи... какая-то глупая история, приключившаяся в Фэрбанксе: кухарка по имени Дайвер или Драйвер, пропажа каких-то вещей из горки в гостиной...

— Что-то связанное с золотыми часами с изумрудами, да?

— Да, потому-то они и послали за полисменом.

— Но, — мистер Зловрединг ещё сильнее нахмурился, — эта женщина, Дайвер или...

— Драйвер. Именно так её звали.

— И этот садовник... Вы хотите сказать, что они верили, будто эти человечки существуют на самом деле?

— По-видимому, так, — ответила миссис Мей, — иначе они не стали бы заваривать всю эту кашу.

— И что же произошло? Их поймали? Нет-нет, я не это имел в виду! Я имел в виду — чем они оказались? Верно, мышами?

— Меня в то время не было в Фэрбанксе, но, по словам брата, добывайки выбрались из дома в самый последний момент через решётку в подвальном оконечке... знаете, такие отверстия в кирпичной кладке, которые делают для вентиляции. Они пробежали через фруктовый сад, поднялись по склону холма и ушли в поля.

Миссис Мей оглянулась по сторонам: сумерки сгущались всё больше.

— Кто-нибудь их видел? — спросил мистер Зловрединг.

— Нет.

Поверенный кинул быстрый взгляд на окутанные туманом склоны: тонувшие в полумраке леса позади бледных полей казались совсем чёрными, — и заключил:

— Белки, вот что это такое было скорее всего.

— Возможно, — не стала спорить миссис Мей и отошла от него к пристроенной к дому прачечной, туда, где утром рабочие отрыли водосточную трубу. — По-моему, эта труба достаточно широкая, чтобы использовать её в качестве канализационной.

— Широкая — да, — согласился мистер Зловрединг, глядя на глиняные секции трубы, — но санитарный инспектор ни за что этого не допустит: все сточные трубы в этих краях идут прямиком в реку. Нет, боюсь, вам придётся поставить очистной бак.

— Так для чего тогда была эта труба?

Мистер Зловрединг кивнул на прачечную.

— Для воды от стирки и, возможно, из судомойни. — И, взглянув на часы, предложил: — Подвезти вас? Уже довольно поздно.

— Вы очень любезны, — поблагодарила миссис Мей, в то время как они шли обратно к двери.

— Это просто неслыханно, — возвращаясь к их разговору, сказал мистер Зловрединг, опуская руку на щеколду.

— Согласна с вами.

— Я имею в виду — дойти до того, чтобы вызывать полисмена. Невероятно.

— Вы совершенно правы, — сказала миссис Мей и принялась вытираТЬ обувЬ о кусок мешковины, лежавший возле ступенек.

Мистер Зловрединг взглянул на свои ботинки и последовал её примеру.

— Ваш брат, должно быть, умел убеждать слушателей.

— О да.

— И был большой выдумщик.

— Ещё какой! По его словам, существовала целая колония этих человечков. Он рассказывал мне и о другой семье — родственниках тех, кто жил в Фэрбанксе, — которая, как думали, поселилась в барсучьей норе... здесь неподалёку, на опушке леса. Дядя Хендрири и тётя Люпи... — Она искоса взглянула на мистера Зловрединга. — У них было четверо детей...

— По словам вашего брата, — скептически заметил мистер Зловрединг и снова протянул руку к щеколде.

— И по словам старого Тома, — засмеялась миссис Мей и понизила голос. — Старый Том клянётся, что всё это — истинная правда, но утверждает, что жили они вовсе не в барсучьей норе — даже если и жили, то совсем недолго, — а за стенкой возле очага, между кладкой и штукатуркой.

— Какого очага? — тревожно спросил мистер Зловрединг.

— Этого, — ответила миссис Мей шёпотом, распахивая дверь. — Здесь, в этом самом доме.

— Здесь, в этом самом доме... — изумлённо повторил поверенный и отступил в сторону, чтобы пропустить миссис Мей, а сам вытянул вперёд шею и заглянул в комнату, не переступая порога.

Тихая комната казалась пустой: жёлтый свет лампы лился на каменный пол, в очаге тлели угли. У окна лежала груда ореховых прутьев, очищенных от коры и расщеплённых, — заготовки для крыш; возле них стояло деревянное кресло. Вот всё, что они заметили. Неожиданно из тёмного угла у очага возникла Кейт.

— А, это вы... — Похоже, она собиралась сказать что-то ещё, но тут её взгляд, скользнув мимо миссис Мей, упал на мистера Зловрединга, всё ещё топтавшегося у порога. — Я проверила дымоход.

— Это я вижу — у тебя на лице сажа.

— Да? — равнодушно отозвалась Кейт, хотя глаза её блестели от возбуждения и, судя по всему, она не могла дождаться, когда мистер Зловрединг закроет дверь и уйдёт совсем.

Миссис Мей взглянула на пустое кресло, а затем — на дверь в прачечную.

— Где Том?

— Пошёл покормить свинью. — Кейт помолчала, потом, не удержавшись, выпалила: — Разве нам обязательно уже ехать? Тут через поле всего два шага, а мне ужасно нужно что-то вам показать...

Мистер Зловрединг взглянул на часы.

— Что ж, в таком случае...

— Да, пожалуйста, не ждите нас, — вырвалось у миссис Мей. — Как говорит Кейт, до Лейтон-Базарда всего два шага...

— Я только хотел сказать, — бесстрастно добавил мистер Зловрединг уже с порога, застёгивая пальто, — что, поскольку дорога сюда такая узкая, а канавы полны воды, поеду вперёд и подожду вас у перекрёстка. Надеюсь, вы услышите гудок?

— Да-да, разумеется. Спасибо... Конечно, мы будем прислушиваться...

Когда дверь за поверенным закрылась, Кейт схватила миссис Мей за руку и нетерпеливо потащила к очагу.

— Мне столько надо рассказать вам. Столько, столько...

— Мы не были грубы с мистером Зловредингом? — встревожилась миссис Мей. — Мы не прогнали его?

— Что вы! Конечно, нет! Вы так красиво поблагодарили его. Но посмотрите сюда, пожалуйста.

Отпустив руку миссис Мей, Кейт кинулась вперёд и, пыхтя от напряжения, оттащила от стены дровяной ларь, стоявший рядом с очагом. Глазам открылось отверстие с остроугольным верхом в плинтусе под панелью.

— Вот где они жили!..

Миссис Мей помимо воли почувствовала странное волнение и, глядя вниз, на крысиную дыру, сказала неуверенно:

— Не следует быть легковерными, Кейт. Я хочу сказать, нельзя верить абсолютно всему, что мы слышим. Ты же знаешь, что говорят о старом Томе.

— Где, в деревне? Да знаю я, что они говорят: «Самый отъявленный лгун в пяти графствах», — но ведь говорить так стали из-за добываек. Понимаете, вначале он всем о них рассказывал, а не следовало. Он думал, людям будет интересно, но им вовсе не было интересно... ни капельки: они ему просто не верили. — Кейт опустилась на колени и, тяжело дыша, заглянула в дыру. — По-моему, был только один человек, кроме Тома, который верил в добываек.

— Ты имеешь в виду миссис Драйвер, кухарку из Фэрбанкса?

Кейт нахмурилась и, выпрямившись, села на пятки.

— Нет, вряд ли миссис Драйвер по-настоящему верила в них. Я знаю, что она их видела, но, думаю, не поверила своим глазам. Нет, я говорю о другом человеке — о цыгане по прозвищу Кривой Глаз. Он вытряхнул их из ботинка на пол своего фургона и увидел прямо у себя под носом. Какие уж тут сомнения? Он попробовал их схватить, говорит Том: хотел посадить наших добываек в клетку и показывать на ярмарке за деньги, но они ускользнули. Конечно, с помощью Спиллера.

— А кто такой Спиллер? — спросила миссис Мей, всё ещё заворожённо глядя на крысиную дыру.

— Вы не слышали о Спиллере? — удивилась Кейт.

— Нет.

— О! Спиллер — настоящее чудо!

— Не сомневаюсь. — Миссис Мей подтащила к себе стул с плетёным сиденьем и тяжело опустилась на него. — Но не забывай: вы с Томом разговариваете целыми днями, я же не совсем в курсе событий... Кем он считался, этот Спиллер? Добывайкой?

— Он им и был, но — как бы это сказать? — диким: жил где придётся, одевался в вонючие кротовые шкуры и, если честно, никогда не мылся...

— Он мне почему-то не кажется таким уж чудом.

— Ой, что вы! Он сбежал за Томом, и Том кинулся туда и спас их: схватил с пола прямо из-под носа у цыган и в собственном кармане принёс сюда — всех четырех: Спиллера, Пода, Хомили и Ариэтту. — Кейт притопнула ногой по тёплым каменным плитам пола. — На это самое место. Потом они, бедняжки, убежали за стену через эту крысиную дыру

и забрались по крошечной лестнице наверх, туда, где жили их родичи...

Неожиданно Кейт вскочила на ноги и, вытянув руку вверх, постучала по штукатурке возле очага.

— Их дом, этих родичей, был где-то здесь. Довольно высоко. Они жили на двух этажах между стенкой прачечной и этой стенкой. Том говорит, они пользовались водой из трубы, что идёт от бака на крыше в прачечную, проделав в ней дырки с затычками. Ариэтте не нравилось там, наверху, и она каждый вечер спускалась потихоньку сюда и болтала с Томом. Но наша семья — Куранты — недолго тут оставалась. Понимаете, произошло кое-что ужасное...

— Рассказывай же, — поторопила миссис Мей.

— Нам не успеть: мистер Зловрединг вот-вот начнёт нервничать, — да и рассказывать про это должен старый Том, который, похоже, всё про них знает — даже то, что они говорили и делали, когда их никто не видел.

— Да, он прирождённый рассказчик, — рассмеялась миссис Мей. — И разбирается в людях. Когда приходится бороться за жизнь, люди ведут себя одинаково — конечно, согласно своему характеру и темпераменту — независимо от роста и общественного положения.

Миссис Мей наклонилась вперёд, словно собираясь получше рассмотреть плинтус, и добавила:

— Даже я могу представить себе, что чувствовала Хомили, лишённая домашнего кровя и всего своего добра, оказавшись перед этой тёмной дырой... А наверху родственники, которые вовсе её не ждут и которых она не видела уже тысячу лет.